

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ

Российская постреволюционная эмиграция представляла собой масштабный социальный феномен, аналогии которому трудно отыскать в истории и современности: она стала фактором, определяющим развитие не только и не столько самой России, сколько практически всех государств Европы¹. Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война, установление советского режима привели к расколу мира на противостоящие социально-политические системы, борьба между которыми определяла всю логику исторического развития XX в., а в известном смысле и современную картину мира. Периодизация историографии проблемы включает три основных этапа: во-первых, время существования эмиграции как самостоятельного политического феномена (1917–1939), во-вторых, период ретроспективной оценки эмигрантскими историками феномена эмиграции, ее вклада в социальную, политическую историю Европы и мира XX в. (1939 – середина 1950-х гг.), в-третьих, новейший этап (1960–2000-е гг.) – период перехода к научному изучению эмиграции как сложного многообразного исторического явления².

В сравнительно-исторической перспективе русская эмиграция оказывалась в центре глобального социального конфликта, поскольку находилась между двумя противостоящими политическими системами. Эмиграция стала результатом невиданной в истории социальной катастрофы и, в принципе, отразила ее масштабы. Она превратила в беженцев 2 млн человек, представлявших различные классы, национальности, культурные слои, оказавшиеся распыленными практически по всем странам мира. Она породила особый культурный тип, связанный со стремлением людей сохранить представление о мире, в условиях, когда этот мир уже перестал существовать как реальность и сохранялся лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке.

В задачу данной статьи входит анализ российской эмиграции 1917–1939 гг. по следующим основным параметрам: историография и методы исследования, структура источниковой базы, определение статуса эмиграции в международном праве, характеристика географии русской эмиграции, специфика основных диаспор, социокультурные особенности российской эмиграции в сравнительном освещении, итоги и перспективы изучения.

Историография и методы исследования

В современной историографии проблемы представлены следующие направления: во-первых, оценка эмиграции как политического и интеллектуального явления; во-вторых, информация о правовом статусе различных эмиграций и характере их изменения в межвоенной Европе; в-третьих, проблемы социокультурной адаптации различных диаспор русской эмиграции рассматриваемого периода.

Объектом изучения в новейшей историографии стали соотношение политических, экономических и правовых взглядов лидеров эмиграции³, политических партий⁴, идей-

* Сабенникова Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук, заведующая сектором Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела.

ных течений⁵, а также архивы русской эмиграции⁶. В центре внимания исследователей оказываются государства с наибольшей численностью русских эмигрантов – Германия, Франция и Китай⁷. Преимущественное внимание к документам русской эмиграции Чехословакии⁸ и других славянских стран связано как с наличием, так и доступностью для исследователей соответствующих архивов⁹. Проблематика исследований во многом также определяется содержанием эмигрантских архивов¹⁰. Изучение культуры различных диаспор русской эмиграции с характерными формулировками темы – «Новая Мекка. Новый Вавилон. Париж и русские изгнанники», «Культура в изгнании – русские эмигранты в Германии», «Тоскующий по дому миллион», «Зарубежная Россия», – началось исследователями конца XX в. было связано, прежде всего, с расширением миграционных процессов в мире¹¹. В обобщающем исследовании М. Раева представлена общая история русской эмиграции на основе доступных автору в то время источников¹². Региональную направленность отражают исследования русской эмиграции в Китае, где большая часть работ принадлежит дальневосточным авторам. Данный факт объясняется передачей в Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК) в 1945 г. фондов русского харбинского архива из Маньчжурии. Наличие фондированной источниковой базы определило направление изучения постреволюционной эмиграции в дальневосточном регионе¹³. Мы располагаем достаточно полной картиной политической эмиграции. Среди работ, посвященных данной проблематике, представлены исследования, посвященные основным идейным и политическим течениям в русской эмиграции, а также биографиям их лидеров – П.Н. Милюкова, П.И. Новгородцева, А.А. Кизеветтера, П.Б. Струве, П.А. Сорокина, Б.А. Бахметева, В.А. Маклакова, А.Ф. Керенского, В. Чернова и др., являвшихся в то же время крупнейшими представителями русской гуманитарной науки – философии, права, социологии, истории¹⁴. Предварительные итоги этих исследований отражены в энциклопедических изданиях¹⁵.

Второе направление в историографии представлено анализом правового положения эмиграции в межвоенной Европе. В ней суммирован значительный материал международно-правового регулирования в этой области, связанный с попытками Лиги Наций упорядочить миграционные потоки из стран с нестабильными политическими режимами в целом. Отдельные исследования (в частности Д.Х. Симпсона) могут считаться также ценным историческим источником по проблеме¹⁶. Российская юридическая и социологическая школа, представленная в эмиграции такими мыслителями как П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин, не только аккумулировала достижения юридической мысли, но оказала очевидное влияние на формирование европейской правовой науки XX в.¹⁷ Деятельность юристов-эмигрантов в области изучения и преподавания права, дополнялась их участием в различных международных организациях по определению правового статуса русских беженцев¹⁸. Правовое положение русских эмигрантов в различных странах разработано по следующим направлениям: международные договоры, объектом которых стала правовая и политическая защита русских беженцев, деятельность международных организаций (Лига Наций, Международное Бюро труда, Международный Красный Крест), непосредственно занимавшихся беженцами из России, изменение законов о гражданстве начала XX в. в тех европейских странах, где присутствие русских беженцев в 1920–1930-х гг. было наибольшим, и влияние муниципального права на ситуацию с русскими беженцами в Европе. Это позволяет показать влияние правовых норм гражданства на социальные характеристики русской эмиграции и модели ее адаптации в разных государствах¹⁹.

Третье направление историографии русской эмиграции – работы, раскрывающие структурные параметры социокультурной адаптации. К числу этих параметров отнесены следующие: образование (организация высших учебных заведений и их специфика в различных государствах), направления в сфере образования – богословское, военное, музыкальное, техническое; работа научных институтов; социальная и профессиональная мобильность; научная жизнь эмиграции и ее наиболее видных представителей, основные направления научной деятельности, наиболее крупные научные центры, ин-

ституты и общества. Работы, представленные этим направлением, наиболее многочисленны, но фрагментарны. Их систематизация проведена в рамках библиографического списка «Зарубежная архивная Россия», который ведется нами, начиная с 1998 г. во Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)²⁰.

Структура источниковой базы

Важнейшим источником для характеристики русской эмиграции как социокультурного феномена, бесспорно, являются ее архивы. Обращение к истории их формирования, которая сама по себе представляет самостоятельный научный интерес, позволяет понять ряд важных проблем русского зарубежья: политические, экономические, социальные различия основных географических центров русской эмиграции; правовой статус русских беженцев в межвоенный период; культурное наследие русской эмиграции.

Основу источниковой базы для изучения русской эмиграции 1917–1939 гг. составляют документы, хранящиеся в ГА РФ, где содержится комплекс фондов Русского заграничного исторического архива (РЗИА) или «Пражского архива». РЗИА был создан в Праге в 1923 г. русскими эмигрантами для собирания и хранения документов по русской истории. Корреспонденты архива работали в 44 странах рассеяния российской эмиграции. В 1945 г. архив был вывезен в СССР, доступ к его материалам был ограничен. С 1987 г. фонды РЗИА переведены на открытое хранение, а с 1989 г. выделены в архивохранилище коллекций документов по истории Белого движения и эмиграции, по которым составлены путеводители²¹.

Среди документов РЗИА особое значение имеют документы гражданских, общественных организаций и учебных заведений, действующих за рубежом. Прежде всего, это материалы Всероссийского Земского союза и Всероссийского Союза городов, Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей (как его центральной организации, так и филиалов в Праге, Берлине, Белграде, Софии и других городах мира), Российского общества Красного Креста, фонды высших русских учебных заведений и студенческих союзов, союзов писателей и журналистов, юристов, обществ единения русских в различных странах, а также многочисленные личные фонды представителей российского зарубежья. Документы по истории российской эмиграции хранятся также в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), среди них фонды как общественных организаций, периодических изданий, эмигрантских учреждений, так и личного происхождения, содержащие обширную переписку между деятелями культуры и науки. В качестве примера можно назвать фонды: «Редакция газеты “Речь”», «Русский культурно-исторический музей в Праге», «Собрание рукописей писателей, ученых, общественных деятелей», личные фонды С.И. Гессена, С.П. Мельгунова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Г.И. Чулкова и др.

Крупнейшим собранием документов по русской постреволюционной эмиграции является Гуверовский институт войны, мира и революций²². В собрании Гуверовского архива хранится примерно 50 млн документов, около 25% всех коллекций или 12.5 млн документов – на славянских языках. Подавляющая часть русских коллекций была передана Гуверовскому институту эмигрантами первой волны, а также второй и третьей. В 1963 г. институтом была приобретена коллекция Б. Николаевского, одна из самых важных эмигрантских коллекций. С 1919 по 1921 г. Николаевский работал директором Революционно-исторического архива в Москве, позже эмигрировал в Берлин, Париж, затем Нью-Йорк. В нее включены документы таких политических деятелей, как И.Г. Церетели и Л. Троцкий, а также важные материалы, относящиеся к русской культуре. Согласно договору об обмене микрофотокопиями исторических документов, их тиражировании и распространении, заключенному Роскомархивом с Гуверовским институтом войны, мира и революции при Стэнфордском университете в ГА РФ передано 26 фондов и коллекций из Гуверовского института войны, революций и мира, получивших статус коллекции, приравненной к фонду²³.

Крупнейшим центром по хранению архивов русской эмиграции остается Бахметевский архив, созданный в 1951 г. по инициативе бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне, профессора Инженерной школы Колумбийского университета Б.А. Бахметева для хранения документов из России и Восточной Европы, оказавшихся за границей после революции 1917 г., Гражданской войны и в последующие годы. Бахметевский архив второе по объему (после Гуверовского института) хранилище российских и восточноевропейских документов за пределами России и бывшего Советского Союза.

Фонды архива включают документы видных литературных деятелей русской эмиграции или имеющие к ним отношение. Помимо личных фондов в архиве представлены документы учреждений и организаций. Большинство из них составляют эмигрантские благотворительные и профессиональные организации, главным образом находившиеся во Франции, например, Союз писателей и журналистов, ассоциации членов войсковых союзов, включая Российский общевойсковой союз (РОВС), Союз русских шоферов и т.д. В эту же категорию входят документы церковных организаций и видных мирских и духовных деятелей, участвовавших в русской церковной жизни за границей. Имеется также несколько фондов (часть из них личного происхождения), относящихся к основным российским политическим партиям предреволюционного и революционного периода. Значительную группу документов архива составляют документы, отражающие такие важнейшие исторические события, послужившие причиной эмиграции из России, как революция 1917 г. и Гражданская война. Многочисленные мемуары участников и свидетелей событий отражают важнейшие политические и социальные процессы в XX в.; в архиве имеются мемуары дореволюционных общественных и государственных деятелей, лидеров политических партий и революционного движения, участников Первой мировой и Гражданской войн. По фондам Бахметевского архива составлен каталог, включающий описание более 900 документальных коллекций²⁴.

Одним из крупнейших центров хранения зарубежной архивной России в США является Музей русской культуры в Сан-Франциско, основанный в 1948 г. для хранения документов русской истории и предметов русской культуры; он содержит уникальные исторические материалы, прежде всего относящиеся к российской послереволюционной эмиграции и к периоду Гражданской войны. Особенно широко там представлены документы и материалы русской эмиграции Дальнего Востока, поскольку значительную часть русских эмигрантов в Сан-Франциско составили прибывшие в 1948 г. эмигранты из Харбина и Маньчжурии. Начиная с 1999 г. Гуверовский институт проводил работы по микрофильмированию наиболее важных коллекций Музея русской культуры, с тем, чтобы сделать их доступными для пользователей в читальных залах Гуверовского архива. В настоящее время 85 фондов и коллекций из Музея русской культуры в Сан-Франциско передано в ГА РФ в виде микрофотодокументов²⁵.

Наиболее крупным центром русской эмиграции межвоенного периода была Франция, где в 1920–1930-х гг. не только существовала самая значительная по численности русская диаспора, но в наибольшей степени были представлены все сферы деятельности русского зарубежья того периода. Этим объясняется богатство архивных источников по русскому зарубежью в различных архивах Франции: Национальном архиве, Национальной библиотеке, архиве Префектуры парижской полиции.

Значительный комплекс документов по русской эмиграции хранится в Национальном архиве Франции, где не выделены отдельные тематические или персональные фонды, а документы располагаются в фонде полиции (F 7). Они содержат важную для исследователей переписку между русскими эмигрантскими обществами и международными организациями (Лига Наций, Международное Бюро труда, Международный Красный Крест), а также эмигрантскими организациями в различных странах. Эти документы помогают раскрыть порядок выдачи идентификационных сертификатов (нансеновских паспортов), регистрации эмигрантских организаций.

Среди современных парижских архивов несомненный интерес для исследователей русского зарубежья представляет архив Префектуры парижской полиции, где

сосредоточен большой комплекс материалов по русской эмиграции, состоящий из полицейских отчетов, результатов наблюдений, аналитических записок, прогнозов и досье отдельных лиц. Проведенные нами исследования в архиве Префектуры парижской полиции позволили выявить документальную информацию (досье) по ряду крупных представителей русской эмиграции. Среди них, прежде всего, политические и общественные деятели: А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков, В.Д. Набоков, А.В. Карташов, Ю.В. Ключников, руководители Белого движения и лица, вызывавшие неоднозначную оценку французской полиции. Все фонды архива описаны. За основу описания принят стандарт большинства французских и европейских архивов, особенность которого в том, что дела группируются и хранятся в коробках по тематическому принципу. Эта тематика отражена в буквенном шифре и порядковом номере коробки. Огромный фонд наблюдений за деятельностью иностранных полиций в Париже (в том числе и русской) имеет шифр ВА 1234 № 4 *Polices étrangères en France*. Описание каждой коробки содержит общую информацию о ее содержании, не учитывая каждого из дел в ней содержащегося²⁶.

Опубликованные источники по российской эмиграции рассматриваемого периода чрезвычайно разнообразны, они представлены, прежде всего, международно-правовыми актами (международными конвенциями и соглашениями), документами общественных организаций и партий, научными и политическими сочинениями идеологов различных течений эмиграции, воспоминаниями, мемуарами деятелей эмиграции, публицистикой и периодической печатью разных стран, перепиской и т.д. Информационная база исследований по русской эмиграции опирается на банки данных ряда специализированных научных и научно-информационных центров. В настоящее время практически во всех крупных отечественных вузах, научно-исследовательских институтах и центральных библиотеках существуют центры по изучению российского зарубежья. Свою задачу эти центры видят не только в проведении исследований по вопросам русской эмиграции, но также в собирании документального наследия эмиграции, организации специализированных библиотек и архивов, публикации тематических библиографических сборников. Среди наиболее крупных центров изучения русского зарубежья – Российская государственная библиотека (РГБ), Государственная публичная Историческая библиотека (ГПИБ), Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы (ВГБИЛ), Российская Национальная библиотека (РНБ), Библиотека Академии наук (БАН), Научная музыкальная библиотека им. С.И. Танеева (НМБ), ГА РФ, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (ИРЛИ РАН), а также общественные организации, занимающиеся собиранием, хранением и изучением культурного наследия российской эмиграции. Среди них Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Архив-библиотека Российского фонда культуры, Мемориальная библиотека кн. Голицына²⁷.

С целью выявления за рубежом и изучения документального наследия российской эмиграции во ВНИИДАД была создана база данных «Зарубежная архивная Россия». Создание Банка данных имеет большое практическое значение, поскольку позволяет поставить программу «Современной архивной России» на конкретную научную основу и вместо сбора случайных данных дает систематические сведения о местонахождении документов по России и работе с ними. Результатом изучения опубликованных источников, их систематизации и библиографического описания стала продолжающаяся библиография – библиографический список «Зарубежная архивная Россия», о которой говорилось выше.

Статус российской эмиграции в международном праве

В современных научных исследованиях понятие «эмиграция» включает в себя совершенно разные виды перемещения населения: миграции, иммиграции, беженцев, которые отнюдь не могут рассматриваться как тождественные. Более того, эти перемещения населения могут быть вызваны различными социальными причинами и мотивами, которыми руководствуются люди, предпринимая данное перемещение.

Существенным фактором, определяющим статус различных эмиграций, а также частей одной эмиграции, является характер международно-правового регулирования и внутреннего государственного регулирования положения эмиграции в разных странах. С точки зрения международного права, вся история эмиграции делится на два периода: до возникновения международного правового регулирования и после его складывания, т.е. до начала Первой мировой войны и после ее завершения. Вторым этапом было создание Лиги Наций и третьим – создание ООН после Второй мировой войны. Первоначальные различия, имевшиеся в законодательствах европейских стран о предоставлении гражданства (условия и порядок его предоставления), в результате работы Лиги Наций и принятия международно-правовых документов уступили позднее место известной унификации национальных законодательств. Принятие единого идентификационного документа для русских и армянских беженцев привело к существенному изменению их правового статуса – предоставлению им визовых льгот, ограничению высылки эмигрантов. Можно констатировать, что именно в ходе регулирования положения русской эмиграции в этих актах прослеживается влияние международного права на национальное.

Другим фактором, определявшим статус эмиграции, являлся мощный политический вызов со стороны государств, отрицавших либеральные правовые ценности. Дело в том, что авторитарные режимы не признавали никаких прав эмиграции, стремились к ограничению ее положения даже за пределами своих границ. Выявленное соотношение правовых и политических факторов определяло нестабильность положения эмиграции, а также отсутствие четкой международно-правовой линии регулирования данного явления, которая находилась в стадии становления²⁸. Этим объясняется неправомерность перенесения на рассматриваемую эпоху современных представлений о международно-правовом регулировании эмиграции, основанных на значительном числе международно-правовых актов, появившихся уже после Второй мировой войны.

Самостоятельными факторами при анализе эмиграции следует признать правовое положение социальных меньшинств в стране, откуда они эмигрируют, переходный период перемещения и период ассимиляции в другом государстве. Согласно Конвенции 1951 г., беженец определялся как лицо, 1) которое находится вне страны своего рождения; 2) которое не может или не хочет вернуться в страну своего рождения; 3) чье нежелание должно быть обосновано опасностью для жизни данного лица; 4) чье преследование должно основываться на расовом, религиозном, национальном, политическом факторе или членством в определенной социальной группе. Данное определение стало итогом длительной работы международного сообщества по определению статуса беженца, оно интегрировало в себе решения по положению беженцев, принятые в период Первой мировой войны, учло недостатки предшествующего определения статуса беженцев. В снятом виде оно включало в себя все прежние определения беженцев и выражало консолидированную позицию западных демократий. При рассмотрении данного определения в исторической ретроспективе, становится ясно, каким образом его основные параметры относились к русской эмиграции межвоенного периода. Все четыре параметра, указанные в Конвенции 1951 г., присутствуют в русской эмиграции и, следовательно, она может быть подведена под современное определение беженцев в международном праве.

Анализ русской эмиграции по параметрам определения статуса беженцев согласно Международной Конвенции 1951 г. позволил, в частности, констатировать следующее. 1. Русская эмиграция находилась за пределами страны своего происхождения. Нахождение вне страны могло интерпретироваться и в географическом и во временном смысле, поскольку русские эмигранты в результате революции оказались гражданами несуществующего государства – Российской империи. Они были лишены прав гражданства новым Советским государством в 1924 г., следовательно, и в правовом смысле эмигранты существовали вне границ страны своего происхождения. 2. Русская эмиграция была не способна и не желала получить защиту от СССР. Российская правовая традиция была разорвана; что касается новой, советской правовой системы, то она

исходила из признания эмигрантов врагами народа. Это вело к отказу им в защите и преследованию их за сам факт эмиграции. Юридический факт отказа в защите государства наиболее четко проявился в отказе по предоставлению прав гражданства, на чем основывалось определение русских беженцев Лигой Наций: «Всякое лицо русского происхождения, которое более не пользуется защитой правительства СССР и не приобрело другого гражданства». Таким образом, для русских эмигрантов отсутствовала возможность и фактически, и юридически, возвращения в страну их происхождения. Не было, как правило, и субъективного желания возвращаться в Советскую Россию. В тех же случаях, когда эмигрант возвращался в страну, он часто становился жертвой политических репрессий. 3. Причины эмиграции коренились в достаточно обостренной угрозе жизни людей при новом режиме, что не скрывалось самим режимом. Подтверждением этому стал декрет от 15 декабря 1921 г. о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей, а также высылка из СССР в 1922 г. более 100 ученых, не согласных с политикой большевиков («философский корабль»). 4. Преследование включало в себя многие указанные в Конвенции мотивы: религиозные (в СССР проводилась политика преследования Церкви и священнослужителей, результатом чего было создание новой православной Церкви в эмиграции под юрисдикцией Константинопольского патриарха); национальные (украинские, грузинские и некоторые другие национальные меньшинства оказались в эмиграции в результате ликвидации независимости их государств советским режимом); членство в социальных группах (значительная часть эмиграции была определена советской властью как представители эксплуататорских классов – «лишенцы»); политические причины (все политические партии прежней России, за исключением большевиков были представлены в эмиграции). Таким образом, 2 млн русских граждан, оказавшихся в результате Октябрьской революции 1917 г., Первой мировой и Гражданской войн за пределами России и не имевших возможности вернуться, должны быть, согласно современным правовым нормам, определены как беженцы. В рамках сравнительного анализа информативны данные о положении беженцев из нацистской Германии. Закон 14 июля 1933 г. аннулировал натурализацию, проведенную между ноябрем 1932 г. и январем 1933 г., главным образом евреев из Восточной Европы, лишив их гражданства. Вслед за тем Нюрнбергский закон о гражданстве от 15 сентября 1935 г. лишил гражданских прав немецких евреев и лиц, выступавших против национал-социалистов в Германии. В результате немецкие беженцы, численность которых в Европе постоянно росла, некоторое время пользовались немецкими паспортами, но после 1935 г. оказались в положении апатридов. Такая ситуация привела к принятию Конвенции Лиги Наций 1938 г. и созданию новых идентификационных документов для беженцев из Германии.

Основными институтами, занимавшимися проблемой беженцев в странах Европы межвоенного периода были Лига Наций, Международный Красный Крест и его отделения в различных странах, а также Международное Бюро труда. Целями этих международных организаций были оказание беженцам юридической помощи, прежде всего в определении их правового статуса; выдача им необходимых документов и предоставление гарантий правовой защиты, что входило в компетенцию Лиги Наций и ее Международного комитета по делам беженцев, созданного в 1921 г. Определением численности беженцев и оказанием им первой помощи продуктами, одеждой, медикаментами занимался Международный Красный Крест, совместно со своим российским отделением. Деятельность Международного Бюро труда была направлена на рассредоточение массовых скоплений беженцев в том или ином регионе с тем, чтобы не допустить экономического и политического кризиса, которые могли быть вызваны большим притоком необустроенных людей. Международное Бюро труда ставило своей целью расселение беженцев в те страны, где они могли бы с большей вероятностью найти себе работу. На начальном этапе истории русской эмиграции это была Франция, потерявшая в Первую мировую войну значительное количество мужского населения, в последующий период – страны Латинской Америки, нуждавшиеся в сельскохозяйственных рабочих.

Наряду с международными организациями вопросами обустройства русских беженцев, их трудоустройства, перемещения, образования, правовой защиты занимались русские общественные эмигрантские организации. Сфера отношений между русской эмиграцией и принимающими государствами была наиболее конфликтной. Посредническую роль в подобных конфликтах выполняли отделения Земгора – Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК). Именно поэтому важной группой источников для воссоздания реальной картины событий является административная переписка между различными структурами Земгора, его отделениями в различных странах, общественными, профессиональными, политическими организациями русской эмиграции, а также с такими международными организациями, как Лига Наций, Международный Красный Крест, Международное Бюро труда. Эта группа источников отражает динамику развития правовых конфликтов в различных политических условиях, способы их разрешения, а следовательно, возможности социокультурной адаптации отдельных групп эмиграции к национальным условиям и политическим системам стран размещения. Важнейшим становился вопрос о предоставлении гражданства. В связи с этим обсуждались механизмы предоставления гражданских прав беженцам, утеравшим их в результате мировой и гражданских войн и боровшимся за их получение в странах Европы. Речь шла о статусе меньшинств накануне эмиграции, масштабе и характере – полной или частичной культурной и национальной – дискриминации, которой они подвергались. Наиболее жестокими проявлениями дискриминации был массовый террор в условиях гражданских войн (физическое уничтожение людей) в России и Испании, а также геноцид в турецкой Армении; имела место и практика выдавливания – принуждения к выезду из страны. Предметом дискуссии являлся и статус меньшинств в процессе перемещения – отношение к ним как к гражданам другого государства, затем как к лицам без гражданства или апатридам и, наконец, как к лицам, имеющим временный статус проживания на территории принимающего государства.

Русские беженцы после эмиграции в Европу до 15 декабря 1921 г. – до принятия декрета СНК об эмигрантах – оставались русскими гражданами, сохраняя все права иностранных граждан²⁹. После принятия этого декрета они утратили российское гражданство и превратились в апатридов, лишенных всяких гражданских прав. Общественные организации русской эмиграции, ее официальные представительства в различных странах и международные организации подняли вопрос о предоставлении русским беженцам гражданских прав, сходных с правами эмигрантов, не лишенных гражданства, и определенной правовой защищенности. Результатом этой деятельности стало введение нансеновского паспорта в 1924 г., однако к началу Второй мировой войны большинство русских беженцев приняли гражданство тех стран, в которых они проживали.

География российской эмиграции: основные диаспоры

Можно выделить 3 различных типа русских диаспор по местам их пребывания на территории Европы: 1) западноевропейские страны (Германия, Франция); 2) славянские страны (Югославия, Болгария, Чехословакия); 3) приграничные государства (Польша, Финляндия, Румыния, Прибалтийские государства). Различия в условиях существования русских диаспор объяснялись не только различиями в экономическом положении регионов их пребывания после Первой мировой войны, но также религиозными особенностями, политическими режимами, культурными традициями и в значительной степени официальной политикой, проводимой в отношении национальных меньшинств вообще и русских беженцев в частности. На основании данных, сохранившихся в РЗИА, нами было осуществлено сравнительное изучение положения русских диаспор в выделенных регионах по таким параметрам, как численность русских эмигрантов, финансовая помощь со стороны государств их проживания, интенсивность общественной и научной жизни эмигрантского общества, выражавшаяся не только в

наличии общественных, научных или профессиональных организаций, но и в функционировании русских средних школ и вузов, и, как результат данного сравнительного анализа, степень адаптации или натурализации русских эмигрантов в различные европейские сообщества.

Наибольшее число русских эмигрантов в 1920–1924 гг. проживало в Германии. Согласно полученным данным, к осени 1920 г. их численность могла составлять 560 тыс. человек. После 1924 г. (с момента стабилизации немецкой экономики и роста стоимости жизни) наиболее массовым местом проживания русской эмиграции становится Франция, прежде всего Париж и крупные промышленные города, а также колонии. Общее число русских эмигрантов во Франции после 1924 г. составляло 400–450 тыс. человек. Это объяснялось большими человеческими потерями Франции в Первой мировой войне и, как следствие, недостатком промышленных и сельскохозяйственных рабочих, что вело к либерализации визового режима для русских беженцев. Вместе с тем либеральные политические режимы центрально-европейских государств указанного периода способствовали развитию общественной и культурной жизни русской диаспоры, оказывая не только моральную, но и материальную поддержку русским институтам, школам, отдельным представителям науки и культуры. Русский язык был либо основным языком преподавания там, где обучались русские учащиеся, либо преподавался как обязательный иностранный язык, что вело не только к сохранению русской культуры внутри диаспоры, но и к воспитанию русской молодежи в традициях двух культур, а для многих французов открывало Россию, главным образом через театр, музыку, литературу. Русские беженцы к началу Второй мировой войны были в большинстве своем (прежде всего молодежь) натурализованными французами.

В славянских странах – Чехословакии, Болгарии, Югославии – число русских беженцев было значительно меньшим. К 1923–1924 гг. в Чехословакии проживали 22 100 русских беженцев, в Югославии в 1923 г. было зарегистрировано более 30 тыс. беженцев, а в Болгарии число русских эмигрантов составляло 30–35 тыс. человек³⁰. Многие из русских беженцев натурализовались в славянских странах значительно раньше, чем в центральноевропейских, что объясняется не только общностью культурных и исторических традиций, но и единой религией и сходством языка.

В более сложном экономическом положении оказались русские беженцы в приграничных государствах: Румынии, Польше, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии. Эти государства, возникшие в результате распада Российской империи, включали значительное число прежних российских граждан, которые в результате изменения границ оказались в положении национальных меньшинств. После Октябрьской революции во вновь созданных государствах установились национальные правительства, проводившие жесткую националистическую политику в отношении национальных меньшинств. В Румынии к 1922 г. русская часть населения составляла 750 тыс. прежде проживавших на этой территории русских и 20 тыс. беженцев. В Польше беженцев было около 100 тыс. человек. В Финляндии к 1928 г., по данным правительства, проживали 14 314 беженцев (по данным Земгора 30 тыс.). Процентное отношение русскоязычного населения приграничных стран к общему их населению было весьма значительно: в Латвии – 9.9%, в Эстонии – 4.2%, в Литве – 5.9%, в Бессарабии – 47%, в Польше – 20%³¹. Вместе с тем общественная активность русских диаспор этих регионов была незначительной. Этому способствовала целенаправленная политика подавления такой активности со стороны новых национальных режимов и принятие ими всевозможных законов, либо ограничивавших преподавание на русском языке, издание и ввоз русскоязычной литературы, либо вводящих запрет на деятельность общественных и политических эмигрантских организаций, а также незначительная, в сравнении с другими европейскими странами, численность культурной элиты в составе данных русских диаспор. Результатом стало ограничение числа русских периодических изданий, слабость русской образовательной системы и общественных организаций³².

Наибольшим своеобразием отличалась русская эмиграция на Дальнем Востоке, главным образом в Харбине (бывшем административном центре КВЖД) и Шанхае, а

также в Японии. Эта русская диаспора в наибольшей степени отличалась от всех прочих не столько своим составом, сколько спецификой ее культурного и национального окружения. Количественные параметры русской эмиграции на Дальнем Востоке были следующими: к 1923 г. в полосе отчуждения КВЖД находилось до 400 тыс. русских, 200 тыс. из которых проживали в Харбине. Не менее половины русских в Дальневосточном регионе были беженцами, другая часть – служащими КВЖД и постоянными жителями этого региона. Русская дальневосточная диаспора была наиболее замкнутой из всех, что объяснялось чуждым для нее культурным, языковым и цивилизационным окружением, а также ее оторванностью от других центров эмиграции. В результате ассимиляция русских беженцев в чужеродную культурную среду не происходила, процент натурализации был минимален. Подавляющее большинство русских эмигрантов вторично эмигрировали из данного региона в США, Австралию или вернулись в СССР.

Русские диаспоры 20–30-х гг. XX в., возникшие в результате как беженства из России, так и передела границ ряда государств (Польшы, Финляндии, Румынии, Литвы, Латвии, Эстонии) и аннулирования государственно-правовых договоров (полоса отчуждения КВЖД), значительно отличались друг от друга, демонстрируя зависимость процесса адаптации эмигрантов от различных цивилизационных и культурных параметров.

Специфика положения русских диаспор выясняется в сравнении с положением других национальных диаспор в Европе того же периода. Инфраструктура разных национальных диаспор зависела от целей, которые та или иная диаспора ставила. Если одни диаспоры ограничивали свои цели исключительно экономическими и профессиональными проблемами, получением гражданства (армянская), то другие преследовали выраженные политические цели, например, свержение политического режима в стране своего происхождения (испанская, немецкая, русская). При этом особенно важную роль играла социальная функция образования, вполне присущая русской эмиграции и направленная на формирование культурных стереотипов у молодого поколения, необходимых для достижения политических целей. Время существования *политических* диаспор было относительно коротким. Они постепенно исчезали либо путем возвращения значительной части их представителей на родину после изменения политического режима, либо путем принятия гражданства в странах проживания. Политические режимы, вызвавшие эмиграцию из Испании и Италии, в последующий период проводили более гибкую политику в отношении эмиграции, что стимулировало возвращение на родину значительного числа беженцев. Фашистский режим в Германии был уничтожен, и немецкие беженцы могли сделать свой выбор между возвращением на родину или натурализацией в других странах. Политический режим в России претерпел незначительные изменения, и русская эмиграция в большинстве своем не могла вернуться в Россию, однако изменение политической карты Европы в ходе Второй мировой войны и особенно после ее завершения привело русскую эмиграцию к необходимости натурализации в странах ее проживания. Новая волна эмиграции из СССР после Второй мировой войны, значительно отличавшаяся от постреволюционной и по целям и по задачам, завершила период ее существования как самостоятельного явления³³.

Положение различных групп эмиграции в межвоенной Европе различалось в демократических, авторитарных и тоталитарных странах, допускавших и даже активно поддерживавших эмиграцию в случае ее идеологической близости режиму. Следует заметить, что демократические государства более терпимо относились к различным идеологическим группам, примером чему может служить Франция, где в период между двумя войнами уживались беженские диаспоры социалистической ориентации из Испании, Португалии, Италии и монархически ориентированная, в большей своей части антибольшевистская русская эмиграция.

Различия в положении иностранных диаспор в странах их проживания прослеживаются и в соответствии с различиями национальных законодательств о гражданстве, устанавливавших различный срок, необходимый для получения гражданства. Особый

интерес при изучении эмиграций представляют ситуации исключений, делаемые для определенных эмиграций или групп эмигрантов в некоторых странах. Например, облегченный режим получения гражданства был установлен для армянских беженцев во Франции, а также для такой группы эмиграции, как сельскохозяйственные рабочие – в странах Латинской Америки, дискриминационный – квотовой режим для эмиграции действовал в США³⁴.

В сравнении с другими национальными диаспорами русской общине за рубежом были присущи некоторые отличительные особенности: высокая численность, интегрирующая роль православия в сочетании с особыми трудностями адаптации к иной культурной среде, а также преобладающая роль интеллигенции в формировании культурных представлений эмигрантского сообщества.

Параметры социокультурной адаптации

Для того чтобы дать комплексный историко-социологический портрет русской эмиграции 1917–1939 гг. по основным параметрам ее социальных характеристик, необходимо установление взаимосвязи таких качественных параметров, как социальное происхождение, национальная, возрастная, половая принадлежность, культурно-образовательная и религиозная ориентация. Это позволяет определить, каким образом происходила интеграция различных групп и социальных слоев эмиграции в западное гражданское общество, выявить специфику данного процесса по различным направлениям социальной характеристики и рядам ранжирования. В свою очередь, это помогает ответить на более общий вопрос, приобретший актуальность в современных условиях: до какой степени различные структуры традиционного, аграрного в своей основе общества могут интегрироваться в индустриальное общество западного типа, как проходит этот процесс и какова его специфика для различных общественных групп, дифференцированных по социальному статусу, национальной, половой, возрастной, культурно-образовательной, профессиональной принадлежности? Вместе с тем стало возможным установить, какова специфика процесса интеграции в зависимости от места и времени для различных диаспор, вынужденных функционировать в различных, а иногда и диаметрально противоположных социокультурных условиях. Крайне информативным оказалось сопоставление коллективных социальных портретов различных русских эмигрантских диаспор – в Западной и Восточной Европе, славянских странах, территориях, ранее входивших в состав Российской империи, или странах Азии.

Массовая эмиграция российских граждан, начавшись сразу после Октябрьского переворота 1917 г., роспуска Учредительного собрания и развязывания Гражданской войны, интенсивно продолжалась в различные страны до 1921–1922 гг.³⁵ Именно с этого момента численность эмиграции остается примерно постоянной в целом, но непрерывно меняется ее удельный вес в различных странах, что объясняется внутренней миграцией в поисках работы, получения образования, лучших материальных условий жизни. Процесс интеграции и социокультурной адаптации русских беженцев в различные социальные условия европейских стран и Китая прошел несколько этапов и в основном завершился к 1939 г., когда у большинства эмигрантов уже не оставалось сомнения в невозможности возвращения на родину, а начавшаяся вслед за этим Вторая мировая война вызвала к жизни новую эмиграцию.

Русскую эмиграцию можно рассматривать в качестве единой социокультурной системы, объединяемой *негативными признаками* (отрицанием советского послереволюционного строя и отторжением со стороны новой культурной среды обитания); *позитивными признаками* (социально-психологическим, религиозным, языковым единством); *единством структуры* (основу которой составляли эмигрантские центры в разных странах и координация взаимодействия между ними на уровне Земгора) и *единством цели* (стремлением к восстановлению утраченного положения).

Для изучения русской эмиграции 1917–1939 гг. принципиальное значение имел осуществленный нами ввод в научный оборот данных Земгора, которые являются

уникальным источником, дающим возможность проследить изменение численности, социального состава, профессиональной принадлежности, национальный, половой, возрастной состав основных групп эмиграции в различных странах. Взятые в совокупности с аналитическими материалами, сохранившимися в документации русских эмигрантских научных институтов, вузов, эмигрантских студенческих организаций, профессиональных союзов и обществ, в редакциях журналов и других периодических изданиях, они позволяют создать коллективный социологический портрет русской эмиграции. Большое значение для целей исследования имело проведенное сопоставление этих сводных учетных данных с правовыми документами, фиксирующими именно эту сторону отношений эмиграции с властными структурами и общественными организациями стран размещения русских беженцев. Эта группа источников отразила динамику разворачивания этих конфликтов в различных политических условиях, способы их разрешения, а следовательно, возможности социокультурной адаптации различных групп эмиграции к национальным условиям и политическим системам стран размещения.

Современные дискуссии о российской эмиграции часто игнорируют типологический подход к ее изучению, рассматриваются в основном философские идеи теоретиков эмиграции, причем они используются вне географического и исторического контекста, отчего принимают совершенно абстрактный, оторванный от жизни характер. Корректировке этого подхода способствует проведенный нами анализ распространения русской эмиграции в мире. Центры эмиграции первоначально возникли практически на всех континентах, включая Дальний Восток, Африку, Латинскую³⁶ и Северную Америку. Следует подчеркнуть, однако, что основной, магистральный вектор этой эмиграции был направлен на Европу, что само по себе косвенно подтверждает европейский выбор российской эмиграции. Однако, как показывает дальнейшее применение данного подхода, и в самой Европе существовала достаточно жесткая шкала приоритетов. Имея возможность выбора, эмигранты в своей основной массе предпочитали именно Западную Европу, а говоря еще точнее, такие страны классической демократии, как Франция, Англия, Бельгия, Швейцария. Более того, этот процесс имел тенденцию к усилению: первоначально крупные центры в Восточной Европе и в Германии по мере усиления там диктаторских режимов и насаждения авторитарной идеологии перемещались в западном направлении. С оккупацией Франции во время Второй мировой войны эта тенденция продолжилась в направлении США и других стран американского континента.

Интеграция в европейское общество как магистральная тенденция развития эмиграции сопровождалась другим конкурирующим процессом – ростом национализма. В современной литературе достаточно хорошо объяснен данный феномен XX в., выражающийся повсюду в мире в росте национального самосознания, стремлении сохранения национальной идентичности, приоритетном внимании к национальной культуре малых народов или национальных меньшинств перед лицом глобализации мира, его унификации, стандартизации под влиянием мощных экономических, технологических и информационных процессов. Как это было в истории других крупных эмиграций прошлого, связанных с религиозными войнами, социальными революциями и иными потрясениями мирового масштаба, российская эмиграция столкнулась с аналогичной дилеммой. Однако для российской эмиграции данный исторический выбор имел еще большее значение, поскольку в XX в. национализм приобрел более интенсивный характер. Распространение фашизма в Европе является крайней формой националистической и расовой идеологии, претендующей на тотальный контроль над миром и исключающий всякие иные формы проявления национальной идентичности. В этой связи следует интерпретировать особое внимание российской эмиграции к сохранению собственного национального облика, тем более, что речь шла о противопоставлении его не только европейской империалистической, но и советской интернационалистической трактовке национального возрождения.

Русская межвоенная эмиграция на протяжении 20 лет сохраняла свою индивидуальность, с большим трудом интегрируясь в западное общество, затрачивая значитель-

ные усилия на борьбу с денационализацией, прежде всего своей молодежи. Данный факт может быть объяснен тремя причинами: тенденцией к ее отторжению со стороны самого западного общества, устойчивым российским менталитетом и, возможно – самое главное, перспективой возвращения в Россию, которая объединяла людей различных политических взглядов, социального положения и образования. Опасность денационализации и натурализации была тем ниже, чем отличнее было общество, в котором жили эмигранты, от традиционно русского, и тем чаще встречались примеры принятия двойного гражданства или даже чужого подданства, чем ближе была им окружающая культура. Это особенно характерно для славянских стран, где эмигранты находили сходство славянских традиций, языка, культуры и религии. Национальные приоритеты русской эмиграции наиболее четко проявились в разработанной ею концепции образования. Известно, что всякая образовательная концепция содержит в себе модель желательного формирования личности в обществе. Анализ концепции образования, предложенного в российской эмиграции, позволяет констатировать, что в ней был дан оригинальный синтез европейской культуры и национальных ценностей. Данная модель имела в принципе европейский либеральный характер и в то же время была направлена на сохранение национальной идентичности. Ее основная цель состояла в подготовке людей, способных осуществить демократические реформы в будущей России³⁷.

Социокультурная адаптация включает в себя целый ряд параметров приспособления отдельного человека или группы людей к жизни в инациональной и инокультурной среде. Для скорости адаптационных процессов большое значение имеют территориальные, природно-климатические, религиозные, правовые, политические, демографические, культурные особенности этой среды. Социальное самочувствие мигрантов становится одним из основных критериев социальной адаптации. Наиболее очевидно ее темпы и результаты, конфликтность и эффективность проявляются в социально-психологической сфере. Важным показателем успешности адаптационных процессов становится постепенно формирующееся у мигрантов чувство принадлежности к определенной социальной группе нового общества, самоидентификация себя с ней. Психологи считают эту стадию адаптации предварительной в процессе ассимиляции, на которой происходит создание предпосылок для «врастания» мигранта в иную социокультурную среду и растворения в ней, что ведет в дальнейшем к фактическому исчезновению этнической культуры меньшинства³⁸. Изучение процесса адаптации тесно связано с социальным обликом русской эмиграции как неоднородного по ряду параметров (культурному, образовательному, профессиональному, возрастному, половому) сообщества. Несмотря на такое различие, социальный облик русской эмиграции межвоенного периода имел общие черты, что было связано со спецификой положения эмигрантов. Перейдя в положение беженцев, бывшие русские граждане в подавляющем большинстве утратили свой прежний социальный, сословный и профессиональный статус и оказались в положении маргиналов. Это вело к утрате ценностных ориентиров, пессимистическому настроению в оценке настоящего и будущих перспектив и раздвоению личности³⁹.

Процесс адаптации русских эмигрантов зависел не только от объективных, но и от субъективных факторов психологического настроения эмигранта, его экономического положения, знания языка, наличия у него той или иной профессии, психологических способностей к сближению с иной культурной средой. Несомненно, к более быстрой адаптации были склонны эмигранты, имевшие специальности «широкого спроса», знавшие язык и культурные традиции страны, имевшие те или иные финансовые средства или заключившие смешанный брак. К объективным факторам относились политическая и экономическая ситуация в стране пребывания мигранта, различия в культурной традиции и языке, эмиграционная и иммиграционная политика и соответствующее законодательство страны пребывания. Необходимо отметить, что в 1920-х гг., когда складываются основные русские диаспоры за рубежом, политика стран, где они формировались, была различной – от сознательного содействия процессу адаптации в Че-

хословакии, Югославии, Франции до всякого рода правового и бытового выдавливания русских эмигрантов в Польше, Румынии, странах Прибалтики, Германии. На процесс адаптации русских беженцев в значительной степени влияла и политика по отношению к ним, проводившаяся советским правительством, которая, в конечном счете, приводила большинство русских, выброшенных за рубеж, к мысли о неизбежности длительной эмиграции.

Процесс социальной адаптации русской межвоенной эмиграции включал три периода, связанных с развитием общественного сознания эмиграции в целом. Первый период (начало 1920-х гг.) характеризовался крайне медленным процессом адаптации, связанным с сохранением у большинства эмигрантов осознания себя русскими гражданами, и готовностью в ближайшее время вернуться в Россию. Многие связывали этот процесс возвращения с военной интервенцией, что способствовало возникновению устойчивого типа «белого» эмигранта. Второй период (1920-е гг.) – победа советского строя в России, установление новой властью дипломатических отношений с большинством европейских стран, нэп. Под воздействием этих факторов единство политического настроения российской эмиграции нарушается, что находит выражение в появлении сменовеховства, возвращенства и евразийства. П.Н. Милюков, как один из лидеров эмиграции, выдвинул тезис «о необратимости поражения Белого движения» и предлагал «новую тактику» борьбы против советской власти, ориентированную на внутрироссийские силы сопротивления и более длительный период борьбы. Происходила дифференциация общественного сознания эмиграции⁴⁰. Все это определяет политическую психологию российской эмиграции 1920-х гг. Третий этап (начало 1930-х гг.) связан с приходом к власти нацистов в Германии, укреплением фашистского режима в Италии, общим изменением международного положения, ростом угрозы военных конфликтов. Сложная политическая ситуация требовала от каждого эмигранта определения его позиции, что вело к дальнейшей поляризации политических настроений – от активного неприятия фашизма и непримиримого отношения к сталинизму до сотрудничества с фашистами. Совокупность всех политических настроений русской эмиграции в этот период создает своеобразную доминанту массового сознания российских эмигрантов.

В процессе адаптации русских эмигрантов нельзя не учитывать роль смешанных браков, которые позволяли эмигранту значительно более быстро и безболезненно войти в новую культурную среду и получить гражданство, став равноправным членом нового для него общества. До 1927 г. процедура получения гражданства во Франции оставалась длительной и многоступенчатой (лишь через 10 лет пребывания в стране эмигрант мог претендовать на получение гражданства). После утверждения нового закона этот срок сократился до 3 лет, а для лиц, вступивших в брак с французами, – до одного года. Смешанные браки, несомненно, способствовали быстрой адаптации русских эмигрантов: если в 1926 г. 5 803 выходца из России получили французское гражданство, то через 10 лет общая численность французских граждан российского происхождения возросла почти в 2,5 раза, составив 13 810 человек.

Картина жизни русской диаспоры будет не полной без ответа на вопрос, почему она так тяжело интегрировалась в западноевропейское общество? Выделим три основных причины этого: существование устойчивого менталитета; тенденции отторжения со стороны самого западного общества и, возможно, самая главная, стремление вернуться на родину и с этой целью сохранение своей национальной идентичности всеми возможными способами – создание русской средней и высшей школы, театров, библиотек, архивов, научных институтов и академических организаций и многого другого. Именно с этой целью была создана и организация Земгора с разветвленной сетью отделений и координирующим центром⁴¹. С укреплением советского режима эмиграция все более теряла надежду на возвращение и вместе с тем более болезненно относилась к своему положению меньшинства в западноевропейском обществе, что в свою очередь вело к перемещению акцента из политической области в культурную – сохранению русских традиций, школы, языка, вероисповедания⁴².

Анализ структурных параметров эмиграции составляет научную основу группировки эмиграции с точки зрения их функционирования в различных типах обществ. Выявленная нами структура отличий разных типов эмиграции (и направлений внутри одной эмиграции) является важным показателем того, почему эти эмиграции проявляют себя неоднозначно в разных культурных условиях. В ходе функционального анализа эмиграции следует учитывать 2 группы факторов: 1) факторы, определяющиеся общими условиями той культурной среды, где вынуждена действовать данная эмиграция; 2) те особенности функционирования конкретной диаспоры, которые вытекают из ее структурных особенностей и целеполагающих установок в отношении культурной среды и окружающего общества. Теоретически можно моделировать 3 ситуации: во-первых, когда первая группа факторов (культурная среда) остается константной, неизменной, а вторая группа факторов (инфраструктура диаспоры) претерпевает серьезные изменения; во-вторых, обратная ситуация, когда меняется первая группа факторов, а константной остается вторая и, наконец, в-третьих, когда одновременно меняются обе группы факторов. Рассмотрим, как функционирует каждая из трех моделей на конкретных примерах.

Первая модель иллюстрируется европейской эмиграцией в США в начале XX в. Культурная и социальная ситуация оставалась неизменной до начала великой депрессии, но менялась сама эмиграция, что было связано отчасти с квотовой системой и стремлением самой эмиграции интегрироваться в новое общество. Иной была ситуация с российской эмиграцией в Китае. Специфика данного случая заключалась в том, что российская эмиграция в Китае не имела не только практической, но даже теоретической возможности сохранения культурной взаимосвязи со страной своего происхождения. Русская диаспора в Китае, как показывают многочисленные источники, была вынуждена осуществлять эту связь лишь опосредованно, путем создания русской школы, сознательной актуализации русских национальных обычаев, издания русскоязычной литературы, культурной связи с русскими диаспорами в Европе. Очевидны границы таких возможностей, делавшие русскую эмиграцию нестабильным и ограниченным анклавом в китайском обществе, который так и не смог стать его постоянной частью (в отличие от китайской эмиграции в Америке). После Второй мировой войны русская эмиграция перестала существовать, оказавшись перед выбором между возвращением в СССР и вторичной эмиграции в США или Австралию.

Таким образом, судьба русской эмиграции в Китае, который пережил революцию и японское вторжение, иллюстрирует *вторую* из вышеперечисленных функциональных моделей. Вместе с тем следует заметить, что в отличие от опыта русской эмиграции в Китае ряд других исторических примеров функционирования данной модели (при которой меняется культурная среда, а эмиграция остается постоянной) свидетельствует, что эмиграция, оставаясь в количественном состоянии постоянным феноменом, даже выигрывала в изменяющихся социальных и культурных условиях. Консервативная «белая» эмиграция в Италии и Германии в начале 1920-х гг. не имела поддержки местной общественности, поскольку в этих странах была высока идеализация нового советского государства. Однако в конце 1920-х гг. отношение в Италии и Германии к русской эмиграции существенно изменяется в лучшую сторону, она предстает уже как страдальческий элемент. Причиной тому была не сама эмиграция, оставшаяся без изменений, а политические действия советского правительства, вызвавшие антипатию европейского общества, а также смена политических режимов в этих странах.

Третья модель, когда меняется одновременно и культурная среда и эмиграция, представлена приграничными с Россией государствами, поскольку политическая и культурная ситуация в регионе зависела от воздействия великих держав и от произошедшего в результате Первой мировой войны и революций переустройства мира, а сама эмиграция не адаптировалась к новой ситуации внутри этих новообразованных государств, испытывала дискомфорт и стремилась к радикальному изменению своего

положения. В сходном положении оказались беженцы из Германии в предвоенной Европе, когда эмиграция из Германии в европейские страны продолжалась последующей эмиграцией в США по мере наступления фашизма.

В целом же предложенный опыт моделирования диаспор коррелируется с географическими или геополитическими особенностями положения диаспор в разных регионах мира. В отношении русской эмиграции этот критерий позволяет выделить 4 региона. Первая модель адаптации характерна для славянских стран, вторая – для Центральной Европы и Дальнего Востока, а третья – для приграничных государств.

Таким образом, нами сконструирован идеальный тип эмиграции (модель, основанная на наиболее типических чертах всех эмиграций межвоенного периода) с целью выявления специфики основных параметров русской эмиграции и определения ее уникальной роли в мире в XX в. Данный идеальный тип представляет собой синтез результатов проведенного историко-социологического анализа эмиграции и классификации различных ее типов по ключевым параметрам (выявленным в ходе предшествующих эмпирических исследований). В основу этой классификации положены структурные, функциональные, динамические концепции социологического анализа: 1) структурные параметры классификации эмиграции: проблемные аспекты, нормативное регулирование и социальная структура; 2) типология по функциональным параметрам, определяющим характер различных диаспор и их место в соответствующих обществах; 3) характеристика динамики российской эмиграции как уникального феномена XX в.

Важным обстоятельством, определившим функционирование различных диаспор, являются их структурные особенности. Как в количественном, так и в качественном отношении (например, высылка неугодных писателей в тоталитарных режимах) речь может идти о разных массивах: от небольшой группы людей до миллионов перемещенных лиц. Возникает вопрос о возможности сравнения таких эмиграций как однопорядковых явлений. В первом случае мы имеем дело с достаточно распространенной в истории человечества ситуацией лишения гражданства и высылки отдельных лиц (примеры этого можно найти в Древней Греции – остракизм), сюда же относится практика лишения гражданских прав преступников, которая существовала в разное время. Иная ситуация возникает с перемещением больших групп людей под влиянием объективных обстоятельств: голода, эпидемий, экономических интересов. Третья ситуация, которая нас интересует в большой степени, – вынужденные перемещения населения, связанные с крупными социальными конфликтами. В литературе отсутствует специальный термин, позволяющий выделить особенности именно этой категории эмиграции. Сам феномен такого типа эмиграции (несмотря на некоторые внешние предшествующие аналоги в виде религиозных войн или революций) характеризует время, наступившее после Первой мировой войны, с которым связано возникновение международного правового регулирования ситуации. В связи с этим целесообразно ввести новое понятие, отражающее специфику этого типа эмиграции новейшего времени: «*массовая анти тоталитаристская эмиграция*». На наш взгляд, данное понятие позволяет конкретизировать и более четко выразить существенные черты этого уникального феномена, который отсутствовал по существу до эпохи новейшего времени, а вместе с тем, отделить его от очень широкой и неопределенной категории эмигрантских движений в истории и современном мире, которые были связаны с перемещением населения под влиянием конкретных экономических, национальных, природных факторов, но не носили столь всеобъемлющего характера и не имели таких выраженных качественных характеристик.

Можно выделить, следовательно, определяющие характеристики феномена массовых анти тоталитаристских эмиграций. *Первая*: все они являются результатами крупных социально-политических конфликтов, приводящих к смене не только политических режимов соответствующих стран, но и всей их социальной системы, а часто и культурной цивилизационной основы ее развития (что вытекает в принципе из самой природы тоталитарных амбиций радикальной перестройки общества и даже создания нового человека). *Другой* характеристикой этого типа эмиграции является сочетание ее массового характера с представительством практически всех социальных групп населения.

Эта особенность отличает ее от других массовых эмиграций современности, представленных какой-либо одной дискриминированной социальной категорией в виде этнических, конфессиональных, социальных и политических меньшинств. Особенность антитоталитаристской эмиграции состоит в том, что она представляет собой не меньшинства, а срез всего общества соответствующей страны. *Третьей* характеристикой данного типа эмиграции является то, что в ходе этой эмиграции в новую культурную среду пересаживается фактически другая культура. В результате происходит взаимодействие двух культур, которое может быть как конфликтным, так и бесконфликтным. Это взаимодействие может строиться в соответствии с тремя моделями, указанными выше. *Четвертой* характеристикой становится ведущая роль интеллигенции, которая аккумулирует те параметры культуры, по которым эмиграция вступает в непреодолимое противоречие с возникшим тоталитарным режимом (этим объясняется чрезвычайная культурная гомогенность этой эмиграции и высокий уровень ее самоидентификации, определяющийся общими для всех ее представителей негативными ценностями, предложенными тоталитарными режимами). *Пятой* характерная черта состоит в трудности адаптации этого типа эмиграции к культуре принимающей страны в связи с тем, что она рассматривает свой статус как временный, который должен быть преодолен путем свержения этого тоталитарного режима и возвращения эмиграции. Особенно ожесточенные идеологические и политические споры, которые раскалывают эту эмиграцию, идут по отношению к тоталитарному режиму и соответственно к различным идеологическим и политическим тенденциям, которые присутствуют в стране пребывания. К числу особенностей эмиграции подобного типа принадлежит и характер ее отношения с другими эмигрантскими группами, на которые, в известном смысле, переносится данная модель эмигрантского сознания и которые рассматриваются исключительно с точки зрения того, чем они могут способствовать решению главной проблемы самой антитоталитаристской эмиграции. Оказавшись в антитоталитарной эмиграции, люди не могут вернуться в страну без риска физического уничтожения (отдельные примеры скорее подтверждают, а не опровергают это правило).

Реализуя эти критерии, мы получаем возможность локализовать данный феномен во времени и пространстве. Если рассматривать предложенную конструкцию как идеальный тип особой эмиграции новейшего времени, то можно ограничить круг изучаемых явлений рядом конкретных исторических ситуаций возникновения этого явления. К числу наиболее типичных, соответствующих данной модели, относятся в XX в. армянская эмиграция, связанная с геноцидом 1911 г. (хотя и с существенными оговорками, поскольку отсутствует ряд признаков классической модели), российская постреволюционная эмиграция 1917–1939 гг., антинацистская эмиграция из Германии после 1933 г., испанская эмиграция 1936 г. Ряд эмигрантских движений, которые иногда рассматриваются в этом контексте, также заслуживают упоминания, хотя и не являются вполне соответствующими модели идеального типа. Примерами могут служить итальянская и португальская эмиграции после авторитарных переворотов. Они были более малочисленны, не имели столь явно выраженного идеологического характера, не были так гомогенны.

Данное исследование позволяет констатировать чрезвычайное сходство российской эмиграции с другими антитоталитаристскими эмиграциями позднейшего времени в Европе. Это сходство может быть проведено по всем установленным характерным признакам данного типа эмиграции. Так, первый признак (результат крупного социального и политического конфликта) присутствует во всех трех случаях – революция и Гражданская война в России 1917–1921 гг., принятие антиеврейских законов в фашистской Германии 1933–1934 гг., Гражданская война и установление режима Франко в 1936 г. Ключевыми вехами начала эмиграции становится принятие законов, лишающих прав гражданства соответствующую категорию населения (постановление СНК от 28 октября 1921 г. и ЦИК от 15 декабря 1921 г.; Нюрнбергский закон в Германии; закон от 31 января 1926 г. «Изменения и добавления к закону от 13 июня 1912 г. о гражданстве» в Италии; «черные» списки политических беженцев в Италии и Испа-

нии). Второй признак – в эмиграцию попадали лица независимо от своего прежнего социального, экономического, политического статуса (в России – «классово чуждые элементы» в Германии – расово чуждые элементы, в Испании – все противостоящие концепции Национальной революции Франко). Парадоксальным образом некоторые из этих критериев были противоположны по содержанию, что не влияло, однако, на характер эмиграции: антикоммунисты в России и коммунисты в Испании, служители культа в России и анархисты, противники Церкви в Испании, националисты в России и интернационалисты в Испании. Эти категории эмигрантов легко пересекались в другой тоталитарный режим: царские офицеры на стороне Франко и соответственно, испанские революционеры-эмигранты в СССР. Третья особенность выражается в том, что российской эмиграцией в Европе была представлена культура российского старого порядка, включая высшие проявления аристократической культуры. Испанская эмиграция, напротив, перенесла в Европу левую культуру в виде социалистических, анархистских, коммунистических течений. Немецкая эмиграция сходным образом представляла в мире классическую национальную немецкую культуру.

Четвертый признак – роль интеллигенции – выражен чрезвычайно четко во всех трех случаях. Он получил выражение даже в специальных теоретических конструкциях, которые касались способа создания собственной идентичности для всей эмиграции. Примером этому может служить образовательная система в русской эмиграции и основные идеологические теории – левые в испанской и немецкой интеллигенции (испанский марксизм, франкфуртская школа и евразийская теория, более консервативная, учитывая характер адаптации русской эмиграции). Пятый признак состоит в трудности адаптации этого типа эмиграции к культуре принимающей страны, в связи с тем, что она рассматривает свой статус как временный, который должен быть преодолен путем свержения этого тоталитарного режима и возвращения эмиграции. Это хорошо видно на примере русской эмиграции, где стремление сохранить культуру выразилось в самой разнообразной общественной деятельности: создании русских школ, университетов, молодежных организаций, изданий, церковной деятельности за рубежом. Подобное сравнение в то же время выявляет большую специфику русской эмиграции межвоенного периода, поскольку испанская и германская эмиграции были ближе к европейской культуре и намного легче ассимилировались. Значительное количество сил антитоталитаристских эмиграций уходило на подготовку борьбы с соответствующими режимами.

Проведенный анализ позволяет реконструировать общие типологические черты русской постреволюционной эмиграции в контексте антитоталитаристских эмиграций межвоенного периода. Российская эмиграция выступает как наиболее соответствующая предложенному идеальному типу этой разновидности эмиграции новейшего времени. Она не только соответствует всем характерным признакам идеального типа, но, можно сказать, в известном смысле она их сформировала. Это объясняется тем, что российская эмиграция была первым историческим примером такого рода эмиграций в послевоенной Европе. Она существовала наиболее длительное время, что объяснялось сохранением тоталитарной системы в СССР в течение наибольшего периода времени и модификацией или уничтожением такой системы в Германии и Испании. Этот анализ и предложенная новая концепция антитоталитаристских эмиграций имеют важное значение для анализа аналогичных типов эмиграций в последующее время (эмиграция из Ирана после исламской революции, из Чили после переворота 1973 г., отчасти эмиграции, возникшие в результате крушения режимов советского типа в Восточной Европе).

Итоги и перспективы изучения российской эмиграции

В современных политических условиях вопрос о динамике российской эмиграции как уникального феномена XX в. приобретает особое значение, поскольку формирование в России гражданского общества повлекло за собой, с одной стороны, открытие для исследователей многих, прежде недоступных архивов, а с другой – осознание истории

русского зарубежья как части русской истории, ее культурного достояния, необходимости понять историю русского зарубежья в контексте как настоящего, так и прошлого всей русской и мировой истории⁴³.

Особое место российской эмиграции в мировой истории XX в. определяется, на наш взгляд, следующими параметрами. Возникнув в результате Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны, эмиграция противостояла изоляционистской модели советского типа государства и несла в себе либерально-демократический потенциал русского общества начала XX в. Она представляла собой, следовательно, европейски ориентированную часть русского общества. Это не исключает, однако, известной двойственности положения эмиграции в межвоенной Европе, где она столкнулась с угрозой ассимиляции и потери национальной идентичности, особенно в период установления авторитарных фашистских режимов в государствах, проигравших Первую мировую войну. Данная, вторая сторона положения эмиграции определяет ее общий интерес к национальной проблематике, возрождение национализма, а в известных крайних формах даже и апологию советской диктатуры (теории евразийства и сменовеховцев). Рассмотрение с этой точки зрения полемики в эмигрантских изданиях на разных этапах ее развития позволяет констатировать, что именно однозначный европейский выбор делал актуальным сохранение национальной идентичности, а этот, последний, был своеобразной реакцией на трудности адаптации к европейской культуре различных слоев самой эмиграции. В современной исторической перспективе становится более очевидным, что отказ от принятия большевистской революции и интеграция эмиграции в европейскую культуру явились мощным фактором сближения российской и европейской цивилизации на исходе XX в., подготовив новый демократический этап развития страны, ее европеизацию, начавшуюся с кризисом однопартийного идеологического режима.

Несмотря на то, что первое поколение русских эмигрантов смогло в значительной степени противостоять процессу аккультурации со стороны стран, принявших их, последующие поколения были вовлечены в этот процесс в большей степени. Можно констатировать, что данный процесс в отношении русских эмигрантов второго и третьего поколений осуществлялся в виде бикультурной интеграции, что проявляется в их самоидентификации как со старой (русской), так и с новой культурой. Это дало возможность потомкам русских эмигрантов (второму и третьему поколению) избежать полной ассимиляции (отказа от культуры своей этнической группы, прежде всего языка, религии, культурных традиций) и сохранить свое этническое самосознание. Данный факт подтверждают исследования, проведенные на I Конгрессе соотечественников в августе 1991 г. в Санкт-Петербурге, на котором присутствовали представители трех поколений эмиграции первой волны из США, Австралии и европейских стран. Большинство из них (56% опрошенных) воспринимает себя гражданами русского происхождения тех стран, где они проживают в настоящее время, значительная часть (37%, преимущественно первое поколение эмигрантов) – «просто русскими». Большинство эмигрантов ощущали себя в России «как дома», но значительная их часть хотя и «могла бы жить здесь», предпочитает оставить все на своих местах. Россию 58% опрошенных воспринимают «как историческую родину своих предков», 42% – «как свою настоящую родину».

Среди основных причин, способствующих сохранению эмигрантами своей этнической идентичности, большинство назвало православную Церковь (77% являются верующими), русский язык и внутригрупповое общение со своими соотечественниками. По данным проведенного опроса можно сделать вывод, что из трех регионов, представленных на Конгрессе соотечественников, – США, Австралии и стран Европы – труднее всего адаптация русских эмигрантов проходила в Европе, где более четко очерчены различные этнические пласты, глубже культурные традиции (чем в странах, население которых составлено из эмигрантов, – США и Австралии) и в силу этого сильнее принуждение к ассимиляции. Стремление противостоять принудительной ассимиляции вызывало в эмигрантах психологическое сопротивление данному процессу, стремление сохранить свою национальную культуру и отдалиться от культуры доминирующего этноса той или иной страны путем создания своей системы образования, общественных

и культурных организаций, периодической печати и других структурных частей русского зарубежья. В то же время подобные тенденции были совершенно нехарактерны для США, где все этнические группы находились в одинаковом правовом положении в отношении к государству.

С каждым новым поколением русских эмигрантов происходит значительное изменение в их этническом самосознании: они в меньшей степени, чем их предшественники ощущают себя русскими, меньше используют русский язык для общения, даже в семье с детьми (которые часто не говорят по-русски)⁴⁴. Однако значительным фактором этнической принадлежности новых поколений эмигрантов остается православная Церковь, прихожанами которой является подавляющее большинство эмигрантов. Опыт социокультурной адаптации постреволюционной российской эмиграции при сохранении ее культурной самобытности востребован в контексте миграционных процессов на постсоветском пространстве.

Феномен русской послереволюционной эмиграции актуален для современных исследователей проблемы тем, что он может быть представлен как альтернативный путь развития России после Октября 1917 г. Российская эмиграция может рассматриваться как самостоятельное и завершенное социокультурное явление: это была модель культурного развития, сформировавшаяся как антитеза большевистскому эксперименту, имеющая свою оригинальную стратегию развития российского послереволюционного общества. Идее революции противопоставлялась идея реформ, идее национального самоопределения вплоть до отделения – принцип единой и неделимой России с признанием возможности реального федеративного устройства или постепенного расширения административной децентрализации; пролеткульту – традиции классической культуры; идее пролетарской диктатуры – идеи гражданского общества и правового государства; идее мировой революции и классовой войны – принцип социальных компромиссов; идеям централизованной плановой экономики – принципы свободной рыночной экономики. Современные попытки построения гражданского общества и правового государства, поэтому, объективно должны учитывать опыт российской эмиграции. Существование зарубежной России оказалось своего рода социальным экспериментом, в котором приняли участие представители всех социальных слоев дореволюционной России различного возрастного, образовательного, экономического положения и большинства политических партий.

Как показывает анализ структуры российского зарубежья, центров его географического размещения, его философские дискуссии и обращение к прошлому, основное значение в этом синтезе уделялось преобразованию самой российской традиции, столкнувшейся с историческим вызовом социальных потрясений XX в. Фактически речь шла о новом осмыслении места России и ее культуры в мире, поиске точек соприкосновения русского общества с мировым обществом на разных континентах, в различных социальных системах и политических режимах. Это дало уникальную историческую возможность сравнивать и проверять многие ключевые параметры российской культурной традиции путем их соотношения с аналогичными параметрами в других странах.

Таким образом, целостное рассмотрение российской эмиграции как исторического феномена XX в. позволяет раскрыть ее роль как посредника между старой и новой Россией, между Россией и Европой. Это дает возможность установить вклад эмиграции в формирование современного российского общества. Он определяется осознанным стремлением к синтезу европейской и русской культуры, в котором принципы демократии и прав личности, выработанные европейской цивилизацией за длительное время ее существования, органически проникают в ткань традиционной российской национальной культуры. Культурная парадигма эмиграции является доктриной политической и правовой модернизации, направленной на создание демократического гражданского общества, правового государства, с сохранением национальной специфики. Эта стратегия может быть определена как вполне осознанный и последовательный европейский выбор России.

Примечания

¹ *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002.

² Результаты этих исследований представлены в энциклопедических изданиях. *Общественная мысль России XVIII–XX вв.* Энциклопедия. М., 2005; *Общественная мысль русского зарубежья.* Энциклопедия. М., 2009. См. также: *Российские либералы.* М., 2001; *Модель общественного переустройства России.* М. 2004; *Российский либерализм: идеи и люди.* М., 2007.

³ *Nielsen J.P.* Milukov and Stalin. P.N. Milukov's political evolution in emigration (1918–1943). Oslo, 1983; *Милуков: историк, политик, дипломат: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Шелохаев.* М., 2000; *Аронов Д.В.* Первый спикер; опыт научной биографии С.А. Муромцева. М., 2006; *Капар-Мурза А.А.* Крестный путь русского врача и политика: И.П. Алексинский (1871–1945). М., 2009.

⁴ *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton; New Jersey, 1974; *Himson L.H.* The Mensheviks. From the revolution of 1917 to the Second World war. Chicago; L., 1974; *Стефан Дж.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992; *Эврич П.* Русские анархисты: 1905–1917 // *Россия в переломный момент истории / Пер. с англ.* М., 2006.

⁵ О Евразии и европейцах: (Библиографический указатель). Петрозаводск, 1997; *Русский узел евразийства: Восток в русской мысли / Отв. ред. Н.И. Толстой.* М., 1997.

⁶ *Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм / Ред.-сост. С.В. Кулешов.* М., 1994; *Омельченко М.А.* Политическая жизнь русского зарубежья: Очерки истории (1920–1930 гг.). М., 1977; *Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. / Под ред. С.В. Кулешова, О.В. Волобуева, В.В. Журавлева, В.В. Шелохаева.* М., 1996; *Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии, 1905–1930 гг. В 6 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев.* М., 1977; *Канищева Н.И.* Центральное течение кадетской партии в эмиграции // *Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России.* М., 2001; *Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана.* М., 2007.

⁷ *Volkman H.T.* Die Russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. Wurzburg, 1966; *Williams R.C.* Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881–1941. N.Y., 1972; *Beyssac M.* La vie culturelle de L'emigration russe en France. Chronique (1920–1930). P., 1971; *Russian Emigrants. Contribution to the Scientific and Cultural Life of America.* N.Y., 1985; *Ожунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; *Русский Берлин. 1921–1923.* Париж, 1983; *Беляков В.В.* Приютила Африка Жар-птицу: Россияне в Египте. М., 2000; *Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы: Сб. ст. / Отв. ред. А.Б. Летнев.* М., 2001; *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русские эмигранты в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М., 1997; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997; *Der grosse Exodus / Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941.* München, 1994; *Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Под ред. Е.И. Пивовара.* М., 1994.

⁸ *Ненашева З.С.* Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге // *Славянский альманах.* 1999. М., 2000. С. 123–130; *Новоселова Т.Ю.* К вопросу о роли российских эмигрантов в развитии чехословацкой агрокультуры (1920-е гг.) // *Славянский мир: проблемы изучения.* Тверь, 1998. С. 122–130; *Sabennikova I.V.* Russische Volksuniversität (R.N./U/) in Prag // *Jahrbuch für Universitätsgeschichte.* Band. 7. Stuttgart, 2004. S. 215–227.

⁹ *Karpus Z.* Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska w Polsce w okresie międzywojennym (1918–1939). Stan badań i postulaty badawcze // *Regiony pograniczne Europy Środkowo-Wschodniej w. XVI–XX wieku.* Toruń, 1996. S. 93–100; *Бирман М.* Русская эмиграция в Болгарии // *Новый журнал.* Кн. 218. Нью-Йорк, 2000. С. 167–179; *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М., 2000; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005; *Кьосева Ц.* Руските емигранти в България. София, 2005.

¹⁰ Проблематика исследований включает: «русскую акцию» в Праге, высшую и среднюю школу русской эмиграции в Чехословакии, культурную и научную жизнь русского сообщества в целом и отдельных социальных групп (студентов, профессоров, казачества и др.), структуру документов Пражского архива (РЗИА) в ГА РФ, а также русских фондов в составе Славянской библиотеки в Праге.

¹¹ *Boss O.* Die Lehre der Eurasien. Ein Beitrag zur Russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; *Johnston R.H.* New Mecca. New Babylon – Paris and the Russian Exiles, 1920–

1945. Kingston, 1988; *Williams R.S.* Culture in Exile – Russian Emigrants in Germany, 1881–1941. L., 1972.

¹² *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. N.Y., 1990 (См. рец. на эту книгу: Отечественная история. 1994. № 3. С. 214–218); *Ряев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994.

¹³ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории: Первая половина XX в. М., 2005; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008; *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния. В 2 т. Т. 1. Русские в Китае. Т. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. Владивосток, 2000; *Печерица В.Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999.

¹⁴ *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001; *Sorokin P.A.* Sociology of Revolution. L., 1924; *Керенский А.Ф.* Русская революция. М., 2005; *Чернов В.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / Пер. с англ. М., 2007; *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). М., 2004; *Маклаков В.* Воспоминания. М., 2006.

¹⁵ Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996; Литературная энциклопедия Русского зарубежья: 1918–1940 / Гл. ред. А.Н. Николюкин. [Т. 1]. Писатели Русского зарубежья. М., 1997. Т. 2. Ч. 1–3. М., 1996–1997; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; Общественная мысль России XVIII–XX вв. Энциклопедия. М., 2005. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.

¹⁶ The Refugee problem. Report of a survey by Sir John Hope Simpson. L., 1939.

¹⁷ *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1994; *его же.* Социология права. М., 2006.

¹⁸ *Стародубцев Г.С.* Международно-правовая наука российской эмиграции. М., 2000.

¹⁹ Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930 годы. СПб., 2006.

²⁰ *Сабенникова И.В.* Зарубежная архивная Россия. Список источников и литературы // Вестник архивиста. 1998. № 5. С. 119–126; 1998. № 6. С. 88–100; 1999. № 1. С. 96–104; № 2/3. С. 100–107; № 4. С. 115–123; 2000. № 1. С. 143–152; 2001. № 4/5. С. 218–240; 2006. № 4/5. С. 236–265.

²¹ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999.

²² *Leadnham Carol A., comp.* Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives Relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the First Emigration. Stanford, 1986; *Bourguina A., Jakobson M.* Guide to the Boris Nicolaevsky Collection. Stanford, 1989.

²³ ГА РФ, ф. 10003 (Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира).

²⁴ Russia in The Twentieth Century. The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Boston, 1987.

²⁵ *Петрушьева Л.И.* Зарубежная архивная Россия в Государственном архиве Российской Федерации. 1998–2009 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 172–183.

²⁶ В связи с этим поиск нужной информации весьма затруднен и часто носит интуитивный характер. В процессе работы в архиве Префектуры Парижской полиции (Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives) нами были просмотрены около 20 коробок с делами в той или иной степени связанными с жизнью и деятельностью российской эмиграции во Франции. Подробнее об этих документах см.: Вестник архивиста. 2000. № 1.

²⁷ Сводный каталог русских зарубежных и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995. СПб., 1996; Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917–1999. М., 1999.

²⁸ Правовое положение российской эмиграции...

²⁹ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1921. С. 710–711; Собрание узаконений и распоряжений СССР. 1924. С. 364–366; Собрание узаконений и распоряжений РСФСР от 5 декабря 1921 г. № 578; Собрание узаконений и распоряжений РСФСР от 16 декабря 1921 г. № 611.

³⁰ Приводимые сводные данные о количественном составе российской эмиграции обнаружены нами и даются здесь и далее по отчетам Земгора, сохранившимся в фондах Пражского архива (ГА РФ, ф. 5764, ф. 5775, 5899). Подробнее см.: *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939)... Гл. 4–5.

³¹ ГА РФ, ф. 5775, оп. 1, д. 257, л. 116.

³² *Исаков С.Г.* Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биографическому словарю. Т. 1. Тарту, 1994; *Фейгмане Т.Д.* Русские в довоенной Латвии, 1920–1940 гг. На пути к интеграции. Рига, 2000.

³³ Сравнение российской эмиграции с другими эмиграциями из тоталитарных стран проводилось по рассмотренным параметрам в сводных аналитических документах французской политической полиции: Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives. BA 1681.

³⁴ *Сабенникова И.В.* География общественной мысли русского зарубежья // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.

³⁵ См. материалы «круглых столов»: Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания // Отечественная история. 2008. № 6.

³⁶ *Мосейкина М.Н.* Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь русской эмиграции: Связь и проблемы // Вторые Нансеновские чтения. СПб., 2009.

³⁷ См.: Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Орел, 2009.

³⁸ *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

³⁹ Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997.

⁴⁰ Подробнее см.: 100-летие «Вех». Интеллигенция и власть в России. 1909–2009 // Российская история. 2009. № 6. С. 106–124.

⁴¹ Подробнее о деятельности Земгора и его архиве см.: *Сабенникова И.В.* Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей (Земгор): состав, структура и географические центры // Зарубежная Россия: 1917–1939. СПб., 2000.

⁴² *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.

⁴³ Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы международной научно-теоретической конференции. СПб., 2009.

⁴⁴ Проблематика положения российских диаспор в Европе первой половины XX в. широко представлена в материалах конференций: Первые Нансеновские чтения. СПб., 2008; Вторые Нансеновские чтения.

© 2010 г. М. Н. МОСЕЙКИНА *

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1920–1930-х годах

Послереволюционная волна русских переселенцев за океан в поисках свободных земель и занятости направлялась из Южной Европы, Турции, с Балканского полуострова, Дальнего Востока. Она состояла главным образом из представителей высшего офицерства царской и белой армий и флота, духовенства, интеллигенции, казачества, крестьянского населения. Что касается трудовой эмиграции, то из Советской России в 1920-х гг. она фактически прекратилась, оставаясь значительной с тех территорий бывшей Российской империи, которые не вошли в состав СССР (Польша, включая Западную Украину и Западную Белоруссию, Литва, Эстония и др.). Основными странами расселения эмигрантов оставались Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай. Некоторые выходцы из России оказались в эти годы в Коста-Рике, Перу, Мексике, Никарагуа, Боливии, Чили. Очередная волна колонизационного движения в Южной Америке совпала с новой, послереволюционной волной русской эмиграции, когда данная проблема приобрела международный характер, а вопросами расселения в условиях отсутствия дипломатической поддержки беженцев за пределами европейского континента занимались Российский союз земств и городов (Земгор), Лига Наций, Колонизационный отдел международного общества Красного Креста и другие организации.

* *Мосейкина Марина Николаевна*, кандидат исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.